

М.Н. Волконский

Две жизни

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.3
ББК 84-4
В67

В67 **Волконский М.Н.**
Две жизни / М.Н. Волконский – М.: Книга по Требованию, 2022. – 138 с.

ISBN 978-5-4241-1712-1

В основе произведений одного из самых известных беллетристов начала XX века князя Михаила Николаевича Волконского - "неофициальная история" XVIII столетия, сплетающаяся из множества скандальных историй, дворцовых тайн, приключений и мистики. Интриги, власть, коварство, любовь и деньги - неизменные составляющие его авантюристо-приключенческих романов.

ISBN 978-5-4241-1712-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022
© М.Н. Волконский, 2022

Михаил Волконский
Две жизни

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I

В середине июня 1789 года, когда императрица Екатерина II вместе со своим двором находилась в Царском Селе в летней резиденции, произошло обстоятельство, не отмеченное в исторических летописях и оставшееся совершенно неизвестным, но тем не менее имевшее некоторое влияние на ход событий последних лет царствования великой императрицы.

Давно уже доказано, что наряду с так называемой официальной историей, несомненно, существует неофициальная, тайная, сплетающаяся из целого ряда интриг и отношений, разгадать и открыть которые представляется возможным лишь спустя многие годы. И сколько раз подобные открытия давали вдруг совершенно неожиданно объяснения явлениям, казавшимся случайными, и соединяли эти казавшиеся случайными явления в последовательную и логически развивающуюся цель.

Есть, например, серьезные исторические данные к тому, чтобы считать, что душою переворота 1762 года, возведенного на русский престол принцессу Ангальт-Цербстскую, супругу императора Петра III, Екатерину, был известный граф Сен-Жермен, оставивший на западе Европы по себе память как исключительный человек, владевший тайнами природы и располагавший поразительной, чуть ли не волшебной силой.

Граф Сен-Жермен был в Ангальт-Цербсте другом матери Екатерины и в 1762 году был в России под именем пьемонтца Одара, жившего на маленькой мызе, на месте, где возникло потом Царское Село с его великолепным дворцом и парком. На той мызе, в помещении, занимаемом пьемонтцем Одаром, происходили все совещания съезжавшихся сюда секретно участников переворота 1762 года. Очевидно, граф Сен-Жермен руководил ими, и они знали, кто скрывается под скромным именем пьемонтца.

До нашего времени дошел список всех получивших награды при восшествии на престол Екатерины II. В нем помечены все, так или иначе способствовавшие этому «действу», как выражались тогда, и один только пьемонтец Одар не упомянут.

Подобный пропуск, разумеется, не может быть случайным, так как Одар являлся слишком деятельным лицом и его слишком хорошо знали все главари заговора. Знала его лично и сама Екатерина.

Сен-Жермен, действовавший под именем Одара, не получил награды за свои труды, потому что был единственным, исключительным человеком, не нуждающимся ни в чем из того, что могла дать даже такая всемогущая государыня, как Екатерина. В самом деле, она могла предоставить ему почести, власть, деньги, и только. Для огромного большинства и почести, и власть, и деньги являлись неудержимым соблазном, но для Сен-Жермена ни то, ни другое, ни третье не представляло ценности, потому что он решительно не нуждался ни в том, ни в другом, ни в третьем. Почет у него был в силу его огромных знаний, которые давали ему

дружбу коронованных особ и ставили его выше всех приближенных слуг и подчиненных государей. В то время как придворные искали перед властителем, сами эти властители не прочь были искать расположения такого человека, как граф Сен-Жермен. Власти ему было не дано, потому что он, опять-таки в силу своих знаний, мог владеть волею других людей, то есть обладал такой властью, позавидовать которой мог и король. Наконец, в деньгах он не нуждался, потому что, как говорили, обладал секретом «философского камня», то есть мог превращать, любой металл в золото, а простой уголь — в чистейшей воды бриллиант.

Правда, подлинных доказательств этого его искусства не сохранилось, и сам Сен-Жермен никогда положительно не утверждал, что ему известен «философский камень», творящий такие чудеса. Но вместе с тем он никогда и не отрицал этого, а когда ему предлагали денег — доставал из кармана горсть самоцветных камней и спокойно говорил:

— Согласитесь, что тому, у кого полон карман драгоценностей, деньги не нужны.

И действительно, карманы у него всегда были полны драгоценностями.

Кроме всего этого граф Сен-Жермен обладал огромною памятью и хранил в ней многие исторические подробности с такою ясностью, как будто сам присутствовал при них. Что же касается будущего, то оно, по-видимому, для него было так же ясно, как прошедшее, и он читал в нем так же свободно, как в любой самой обыкновенной книге.

Таким образом, чем могла наградить и что была в силах дать подобному человеку императрица Екатерина, которой он помог взойти на престол, руководя ее сподвижниками?

А что именно он руководил, то об этом сохранилось, как исторический факт, свидетельство одного из этих сподвижников, графа Алексея Орлова, который, проживая за границей после смерти императрицы Екатерины, в царствование уже Павла Петровича, встретив при одном из маленьких германских дворов графа Сен-Жермена, отнесся к нему чрезвычайно почтительно и в присутствии большого придворного кружка открыто назвал его «отцом переворота 1762 года».

Но кто знал, когда в свое время приезжал в Россию граф Сен-Жермен, что его приезд будет иметь столь значительные последствия?

Вот точно так же и обстоятельство, случившееся в середине июня 1789 года, прошло совершенно незамеченным, и только посвященные знали, что оно может быть чревато последствиями.

Обстоятельство же это заключалось в том, что в поздний час сумеречно-белой петербургской июньской ночи в Царское Село въехала большая, запряженная четвериком цугом карета, так называемый дормез, с увязанными на ней чемоданами, сундуками и баулами и была остановлена у заставы, где досмотр производился особенно строго, потому что двор в это время находился тут, в Царском.

II

В этой карете сидел высокий, худой старик с гладко выбритым, несмотря на сделанное, видимо, далекое путешествие, лицом, в парике и в одежде по старой французской моде и в плоской треугольной шляпе. Цвет его одежды был очень скромный — темно-коричневый, никаких богатых украшений на нем не было

видно и вообще ничего роскошного, бьющего в глаза.

Выскочивший из караульного помещения сержант с фонарем подошел к дверце кареты, и сейчас же к нему протянулись оттуда бумаги, удостоверявшие личность прибывшего. Эти бумаги, очевидно, были в полном порядке, потому что сержант, взглянув на них, сейчас же махнул в сторону спущенного шлагбаума; последний поднялся, и карета двинулась, закачавшись вновь своим тяжелым кузовом.

Сержант вернулся в караульное помещение и отметил в книге, куда заносились фамилии всех пропущенных через заставу: «Доктор Август Герман».

Этот проехавший в огромной карете доктор, судя по ее виду, очевидно, сделал большое путешествие и приехал не иначе как из-за границы. Не говоря уже о самом докторе — несомненно иностранце, — все окружавшее его обличало в полном смысле слова иноземщину.

Однако сидевший в ливрее на козлах кучер правил уверенно и бодро погонял большим бичом лошадей, видимо отлично зная дорогу.

Надобно сказать, что в то время даже и в больших городах, не исключая Петербурга, не только еще не вывешивалось название улиц, но большинство последних вовсе не имело названий, и дома только на главных артериях строились в ряд; в промежуточных же местностях возводились усадьбы с садами, огородами и службами, и, чтобы отыскать чье-нибудь жилище, человеку, незнакомому в точности с дорогой, приходилось расспрашивать прохожих, заходить в лавочки или стучать в чужие окна. То же самое происходило и в Царском, где тогда был полный хаос в распределении домиков и дач.

Однако карета доктора Германа катилась без остановок, уверенно поворачивая; видимо, кучер ее отлично разбирался в лабиринте замерших в ночной тиши закоулков.

Наконец дормез остановился у низенького домика с мезонином, ничем особым не отличавшегося от прочих, кроме разве несомненной опрятности содержания, видевшейся во всем. За домиком рисовались темные деревья большого и густого сада.

По первому взгляду казалось, что и этот домик, как и соседние, спал тихим сном и за его плотно затворенными ставнями царил ничем не возмущаемый покой. Но едва остановилась карета и кучер, по обычаю заграниценных почтальонов, протрубил в почтовый рожок, дверь немедленно распахнулась, и двое выбежавших слуг кинулись к карете.

Полоса яркого света упала из двери на крыльцо, домик был освещен внутри. Там, очевидно, ждали приезжего. Он бодро сошел, держась необыкновенно прямо, по откинутой слугами каретной подножке и как свой человек уверенно поднялся по ступеням крыльца. Слуги последовали за ним, дверь захлопнулась, а карета двинулась дальше и исчезла за поворотом.

В прихожей домика висело на вешалке много плащей и на столе лежало много шляп.

— Все уже в сборе? — спросил доктор, кладя свою шляпу на стол.

Но вместо того, чтобы ответить на его вопрос, слуги загородили ему дорогу и шепотом произнесли:

— Пароль для пропуска?

Доктор улыбнулся и, посмотрев на них, спросил:

— Разве вы не узнали меня?

— Пароль для пропуска! — настойчиво повторил старый слуга.

Доктор, пожав плечами, ответил:

— Ad augusta!¹

— Per augusta!¹² — подхватили сейчас же слуги и, расступившись с поклоном, дали дорогу.

Довольно большая комната, в которую вошел доктор Герман из прихожей, была освещена листстрой в семь восковых свечей. Посредине стоял стол, покрытый ярко-красным сукном, и за ним сидело восемь человек, одно девятое место оставалось незанятым.

При появлении доктора все поднялись, и он, сделав общий поклон, вместо приветствия произнес:

— Ad augusta!

— Per augusta! — ответили хором присутствовавшие и по знаку председателя опустились в свои кресла, а вновь прибывший занял оставшееся свободным.

— Вы привезли нам хорошие новости? — обратился председатель к доктору на французском языке.

— Более чем хорошие — отличные! — ответил он.

— Вот как? Чем же вы нас можете порадовать?

— Бастилия пала!

Доктор произнес только эти два слова, но впечатление они произвели очень сильное. Все присутствовавшие приподнялись, переглянулись, и председатель взволнованно повторил:

— Бастилия, королевская тюрьма в Париже, пала. Что же это значит?

III

Бастилия была королевскою тюрьмою в Париже, то есть местом заключения, куда сажали по личным приказам французских королей, по преимуществу так называемых политических преступников.

Власть во Франции была в руках слабовольного, нерешительного короля Людовика XVI, и там работал целый ряд тайных обществ, имевших целью ниспровергнуть эту власть. Вместе с тайной работой шла и открытая пропаганда, и мало-помалу начиналось то движение, которое разразилось впоследствии в ураган так называемой Великой французской революции. Первым актом этой революции и были взятие Бастилии и освобождение заключенных в ней.

Эта весть, привезенная доктором Германом, была радостно принята ожидающими его, и, когда на вопрос председателя: «Что же может значить взятие Бастилии?» — доктор подробно объяснил, каких последствий ожидают в Париже от этого «успеха» и на что теперь можно надеяться, со всех сторон послышались выражения шумного одобрения.

— Когда же это произошло? — спросил председатель.

Оказалось, что Бастилия была взята 4 июня, а в середине этого же месяца доктор Герман уже добрался с вестью об этом в Царское Село. Ни официальных сведений, ни частных из Парижа сюда еще не пришло, и его сообщение было первым. Доктор, по-видимому, очень спешил в Россию и не терял в дороге ни минуты времени.

— Нам остается только поблагодарить вас, — сказал ему председатель, — за

то, что вы не мешкая приехали к нам и первым привезли важную весть. Завтра же мы по этому поводу назначим в Петербурге торжественное заседание нашей ложи и отпразднуем взятие Бастилии как международный, общий для нас всех праздник.

— Fiat!³ — сказали все присутствовавшие, и председатель три раза стукнул согнутым пальцем о стол.

— Ну, что же у вас, как идут дела? — спросил Герман.

— Все по-прежнему, — ответил председатель, — подвигаемся, но очень мало. Условия, в которых находится Россия, нельзя сравнивать с тем, что может произойти во Франции.

— Дмитриев-Мамонов⁴ все еще в силе?

— Смешно сказать про него, что он «в силе»! — усмехнулся председатель. — Более слабого и бесцветного человека нельзя себе представить.

— Но все-таки при дворе он занимает прежнее место?

— Вот уже три года остается по-прежнему.

— И вы не нашли способа овладеть волею этого человека?

— Можно овладеть волею, когда есть хоть подобие ее. Но у него, безусловно, вместо воли пустое место.

— Тогда надо было давно постараться избавиться от него.

— Так и сделано. Он влюблен в княжну Дарью Федоровну Щербатову.

— Прекрасно.

— В скромом времени он сделает ей предложение и огласит свои намерения.

— Значит, дни его при дворе сочтены?

— Полагаем.

— Хорошо. А готов ли у вас ему заместитель?

— Разумеется. Мы уже давно подумали об этом.

— Подходящий человек?

— Старейшие братья долго выбирали и остановились на нем после долгих обсуждений. Он — сын одного из наших братьев, сирота, находится под нашим наблюдением.

— Брат ордена?

— Неофит и будет посвящен в первую степень, как только явится потребность выдвинуть его.

— Но можно ли положиться на него?

— По нынешним временам ни на кого нельзя положиться, но, насколько можно судить, он должен оправдать доверие: он умен, красив собою, силен физически, владеет собою и достаточно самостоятелен.

— Блестящая рекомендация, но с ним, пожалуй, будет трудно, если он попробует выйти из повиновения?

— Что делать? Безвольный и легко подчиняющийся человек, как оказывается, хуже. Вот, например, Дмитриев-Мамонов. Он подчинялся, правда, слишком легко, но зато на него мог иметь влияние всякий, даже посторонний, и результат получился совершенно отрицательный.

— Хорошо. Но у вашего нового кандидата есть по крайней мере какой-нибудь недостаток, пристрастие?

— У него все недостатки, свойственные всем молодым людям: он не прочь покутить, поиграть в карты, бросить Деньги зря. От нас будет, конечно, зависеть

развить в нем те или другие склонности.

— Это необходимо. Мы можем управлять человеком лишь тогда, когда владеем ключом его пороков. Он честолюбив?

— Опять-таки как всякий молодой человек его лет, обладающий мечтательным умом.

— Есть у него состояние?

— Никакого. Его отец имел большие поместья, жил очень широко, но разорился и должен был провести последнее время жизни в провинции, в глухи, где был найден нашими братьями и просвещен их светом.

— Он скончался в нищете?

— Нет, у него оставалось еще маленькое поместье, но оно было продано за долги после его смерти.

— Так что его сын вырос в хорошей обстановке?

— О да, и получил привычку к роскоши, к которой имеет врожденный вкус.

— Это очень важно. Как сказалось на него в детстве влияние матери?

— Он почти не знал ее. Она умерла, когда ему было пять лет. Он — круглый сирота, даже не имеет родственников.

— Что он теперь делает?

— Служит в Конном гвардейском полку, в чине секунд-ротмистра.

— Как его зовут?

— Сергей Александрович Проворов.

— Красивая, звучная фамилия, хорошее имя! У вас составлен его гороскоп?

— О, разумеется!

— Что же ему предвещает будущее?

Председатель развернул лежавший перед ним лист бумаги с начертанным кругом, разделенным на двенадцать частей, в которых были расставлены знаки зодиака и планет, и передал доктору Герману. Тот стал внимательно рассматривать его.

IV

В то самое время как происходило тайное заседание, на котором с такою тщательностью обсуждалась судьба молодого Проворова, сам виновник его, Сергей Александрович Проворов, и не подозревая, что он был причиной столь серьезного собрания почтенных людей, занимающихся его судьбою, лежал на постели и глядел в потолок, закинув руки за голову.

Было жарко, душно. Погода стояла великолепная, и, несмотря на то что окно было открыто, дышалось тяжело и нельзя было спать. Белая северная ночь мешала своим светом и раздражала мечты, отгоняя сон.

Проворов ворочался с самого вечера, только немножко задремав с самого начала, а потом все время ощущая раздражающее состояние полузабытья, при котором как будто и не чувствуешь себя, но вместе с тем сознаешь все, что происходит не столько во внешнем мире, сколько внутри себя, в себе самом.

Он лежал в отдельной офицерской комнате помещения, отведенного в нижнем этаже дворца для офицеров, приехавших на дежурство в Царское Село из Петербурга. Сегодня Проворов дежурил днем, а завтра у него было ночное дежурство. И потому он мог теперь раздеться и лечь в постель.

Но ему не спалось. Всякий раз, как попадал он в полную пестроты и движения

жизнь большого двора, когда видел вокруг себя важных лакеев, придворных карлов, арапов, блестящие мундиры, приветливые, вечно улыбающиеся лица и целый цветник дам и девушек, нарядных и прекрасных, он как бы немножко сходил с ума и чувствовал себя в особенно повышенном настроении.

С самого детства, как Проворов помнил себя, его окружали роскошь и довольство, но с годами они как бы таяли, рассеиваясь, словно марево прекрасного и заманчивого видения. Многое из того, что «было» и что окружало его теперь, начинало казаться не существовавшим на самом деле и сливалось с образами воображения, которые, в свою очередь, становились в воспоминаниях действительностью.

Все, что мог для Проворова сделать отец, — это прислать его из провинции в Петербург на службу и поместить, благодаря оставшимся кое-каким связям, в Конный гвардейский полк, а затем высыпал небольшие суммы денег, едва-едва хватавшие на самое необходимое. По смерти отца эти присылки, конечно, прекратились, и молодой Проворов продолжал жить с прежнего, так сказать, хотя и небольшого, но все-таки размаха — делал долги, пускал в оборот кое-какие вещи да выигрывал в карты, пока везло.

В Петербурге Проворов окунулся в широкую, веселую жизнь, но она проходила для него в некоторой степени как Для зрителя, а не для участника, и полноправным человеком он не мог участвовать в ней. В то время как большинство его товарищей жило на отдельных собственных квартирах и имело целый штат слуг, он должен был довольствоваться комнатой в казармах и услугами денщика.

Он ездил на балы и на званные вечера, его охотно принимали как офицера гвардейского полка, но он всюду бывал только «гостем» и понимал, что во всей этой спокойной, богатой, уверенной в себе жизни он не более как гость, и только гость.

Когда же ему случалось попадать ко двору, в особенности при поездках на дежурства в Царское или Петергоф, то он чувствовал, что окунается как бы в розовую дымку заветных мечтаний, что все невзгоды и мелочи жизни пропадают, и он становится частицей того святилища счастья, которое льется отсюда по всей стране. И поэтому он всегда во дворце волновался и не мог спать. А сегодня его еще особенно раздражала и дразнила жаркая, ароматная, душная белая ночь.

Теперь, лежа с закинутыми за голову руками и глядя в низкий с лепным карнизов потолок, он думал:

«Отчего иным людям удается все в жизни, а другим — ничего? Конечно, есть люди, которые, родиввшись в простоте, всю жизнь ничего иного не видели и так и пребывают чуть ли не в первобытном состоянии. Но ведь я-то понимаю, что такое жизни и как надо жить, и вкус у меня, и уменье не хуже, чем у многих, которые обладают средствами, дающими возможность проявлять их на деле. Ведь с детства я был приучен ко всему хорошему, и вдруг, на поди, судьба раззадорила аппетит, а ничего не дала... »

И он клял судьбу и считал, что она к нему чрезвычайно несправедлива. С чисто человеческим себялюбием он все сводил к себе, и в его мыслях выходило так, что вся природа как будто только и должна была заниматься им одним.

А разве и в его положении невозможно было вдруг невероятное, прямо сумасшедшее счастье?

И Проворов стал мечтать, увлекаясь картинами этого счастья, которые сейчас

же стала рисовать ему услужливая фантазия. Он мог очень легко быть избранным, так же вот хоть, как Дмитриев-Мамонов. Что же, в сущности, Дмитриев-Мамонов? Ничего, самый обыкновенный человек, как и сам он, Сергей Проворов. И почему не он на месте Мамонова? Ведь фамилия Проворовых ничуть не хуже Мамоновых, будь они хоть десять раз Дмитриевыми... Да что, наконец? Разве Дмитриев-Мамонов вечен? Мало ли было их и менялось? Салтыков, Орлов, Потемкин... Ведь и сам Потемкин не устоял, хотя и удержанялся, но это не помешало другим... Римский-Корсаков и еще...

Проворов прищурился, и ему с такою ясностью представилась полная возможность его возвышения, что, казалось, вот придет утро, и все будет именно так, как ему хочется. Он повернулся к окну и увидел, что утро давно уже пришло. Сквозь спущенную на окне занавеску светило яркое солнце, а под приподнятым ее краем виднелась яркая зелень, тонувшая в золоте лучей, и слышалось несмолкаемое щебетанье птиц.

V

Проворов спустил ноги с постели, нашел ими туфли, накинул на себя голубойшелковый китайский халат, запахнул на груди плющеную оборку распашной рубашки, подошел к окну и отдернул занавеску.

На него пахнуло свежестью, бодростью и светом раннего летнего северного утра, девственность которого еще не нарушена людскою суетой, говором и прозою. Он вдохнул воздух полною грудью и, сам себе улыбнувшись, круто повернулся и остановился.

Перед ним стоял в дверях высокий, сухой, бритый, в коричневом французского покрова кафтане человек весьма почтенной наружности.

Первое, что пришло в голову Проворову, было, что незнакомец попал к нему ошибкою, зайдя не туда, куда ему было нужно. Но тот сейчас же, как только Проворов обернулся, поднял правую руку и сделал знак, значение которого было известно Сергею Александровичу. Это был знак одной из высших степеней мансионской иерархии.

Проворов, как неофит, то есть ожидающий посвящения, должен был ответить тоже условным знаком, состоявшим в том, что ладонь левой руки прикладывалась ко лбу в свидетельство полного повиновения и послушания. Ему было сказано, что где бы и при каких условиях он ни находился, он не должен удивляться появлению брата высшей степени, обнаруживающего себя, и немедленно подчиняться ему беспрекословно. Но он никак не ожидал, что подобная встреча может произойти у него в комнате утром, пока он не успел даже привести себя в порядок.

— Простите, я не одет, — пробормотал Сергей Александрович, ответив условным знаком, и добавил: — Позвольте узнать, с кем я имею честь?

Вошедший улыбнулся одними губами, а его глаза продолжали строго и испытывающе смотреть, когда он ответил:

— Да, сейчас видно, что вы — неофит и очень мало знакомы с обычаями братьев вольных каменщиков. Видите ли, раз старший обнаружил себя знаком, младший, ответив ему тем же, не должен уже расспрашивать, кто он и что он, а просто повиноваться ему. Но вам я, пожалуй, скажу, кто я. Я — тот, который должен посвятить вас в первую степень братства.